ВОСПОМИНАНИЯ ЭТНОГРАФА

© ЭО, 2003 г., № 4

Л.Ф. Моногарова

ИЗ ПОЛУВЕКОВОГО ОПЫТА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Под влиянием книг детской писательницы Люси Фич Перкинс[1] я с пяти лет мечтала стать путешественницей и знакомиться с жизнью разных народов, так отличной от нашей русской.

Моя мечта осуществилась, когда, окончив среднюю школу в 1940 г., я поступила на исторический факультет МГУ, где была в 1939 г. образована кафедра этнографии[2].

Преподавали на кафедре крупные ученые. Заведующий кафедрой – блестящий ученый С.П. Толстов – читал на первом курсе общую этнографию. Со второго курса начиналась специализация, и для всех была обязательна практика, которую все мы ждали с нетерпением. Студенты участвовали в работе экспедиций, устраиваемых кафедрой, но особенно стремились попасть в экспедиции Института этнографии АН СССР (с 1991 г. – Институт этнологии и антропологии РАН). Однако едва мы сдали экзамены и перешли на второй курс, как 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Многие преподаватели и студенты вступили в ряды Красной Армии, МГУ эвакуировали в Ашхабад и Свердловск, в Москве остались немногие, но уже в апреле 1942 г. возобновились занятия. В 1943 г. МГУ вернулся из эвакуации и стали возвращаться демобилизуемые из армии преподаватели, а также некоторые студенты для продолжения образования. Тяжело раненный С.П. Толстов после выписки из госпиталя в декабре 1942 г. был назначен директором Института этнографии (ИЭ) АН СССР[3]. В 1943 г. была создана его Московская группа. Дирекция Института располагалась в Москве, Ленинградской группой (впоследствии – отделение, филиал) руководил заместитель директора.

С 15 сентября 1941 г. по июнь 1943 г. я работала агитатором в прифронтовых эвакогоспиталях № 3280 и 3308, а в июне 1943 г. была восстановлена на втором курсе.

Решая задачу подготовки молодых кадров этнографов, Институт этнографии усилил свою связь с кафедрой этнографии МГУ (ею заведовал С.П. Толстов), ЛГУ, университетами и историческими институтами союзных республик. В ИЭ собрался сплоченный коллектив профессиональных этнографов, историков, фольклористов, антропологов. Многие из них читали на кафедре лекции, спецкурсы, вели семинарские занятия со студентами, помогая им определиться в специализации. Особенно много внимания нам уделяли такие крупные ученые, как С.П. Толстов, С.А. Токарев, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров, Б.О. Долгих, Д.А. Ольдерогге, М.Г. Левин.

Студенты кафедры занимались изучением языка того народа, который каждый из нас выбрал в соответствии со специализацией. Я хотела изучать этнографию иранских народов и ходила в группу изучающих иранский (фарси) язык, который преподавали на отделении Востока. На кафедре были организованы занятия по черчению, архитектурному обмеру жилищ и хозяйственных построек, рисунку, выкройке одежды и т.п., чтобы студенты овладели методиками фиксации элементов материальной и духовной культуры и могли принести реальную пользу в полевых работах экспедиции, в которой проходили практику.

После второго курса в июле 1944 г. меня и еще нескольких студенток включили в состав экспедиции на Украину, в только что освобожденные от немецких оккупантов районы. Экспедицией руководили Н.Н. Чебоксаров и его аспирант И.Ф. Симоненко. Н.Н. Чебоксаров работал в районе Миргорода, а нас, студенток, И.Ф. Симоненко повез в Решетиловский р-н Полтавской обл. Тема – «Партизанский фольклор в годы войны». В это время в правобережных районах Украины фашисты еще вели борьбу с наступающими частями Красной Армии. По партизанскому фольклору материалов собрать не удалось. В селах людей было мало, большинство молодых и здоровых вывезли на работу в Германию, остались старики, женщины, дети. Когда мы интересовались партизанским фольклором, нам отвечали: «У нас партизан не было. Прыгали какие-то парни с парашютами и скрылись. Немцы пришли в село, искали, видимо, их, но мы сказали, что не знаем ничего. Для устрашения немцы расстреляли несколько наших сельчан».

Мы практиковались в изучении материальной культуры, делали обмеры и снимали планы сохранившихся после боев хат, хозяйственных помещений, изучали знаменитую «решетиловскую» вышивку: скатерти, рубашки и платья, вышитые решетиловскими мастерицами. До войны их изделия славились как в СССР, так и за рубежом. Собирали мы также материалы по традиционной семейной обрядности, народным верованиям.

Нас встречали гостеприимно, поселяли по два–три человека в уцелевших хатах. Хозяева, за пять месяцев оправившиеся после изгнания фашистов, восстанавливали колхозное и личное хозяйство. Нас угощали варениками с вишнями, маслом и сметаной, учили правильно их есть: берешь из общей миски вареник, макаешь его в масло (растопленное), налитое в мéньшую по размерам общую мисочку, затем макаешь в такую же мисочку со сметаной – и в рот! Вернувшись в Москву, мы потом часто вспоминали наших приветливых хозяев, вареники и украинский борщ.

Через несколько дней после возвращения в столицу нас отправили в экспедицию под Москву в деревни Верейского р-на, откуда фашистов изгнали за год до этого. Руководил экспедицией Н.Н. Чебоксаров. Он внимательно следил, как мы на практике применяем свои знания, особенно при изучении жилища. Помогал личным примером осваивать методы полевой этнографии – метод бесед с информаторами и метод непосредственного наблюдения.

Полевые материалы, собранные нами за время студенческой практики 1944 г., которые были представлены записями в дневниках, имели определенное научное значение в этнографическом изучении традиционной культуры украинцев Полтавщины и русских Верейского р-на Московской обл.[4]

В 1945 г. некоторые студенты были направлены для прохождения студенческой практики в Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию ИЭ (руководитель С.П. Толстов), в первый этнографический отряд, возглавляемый Т.А. Жданко. Состав отряда: И. Гроздова, Н. Лобачева, Л. Моногарова, М. Райт, Р. Косбергенов – переводчик, студент Каракалпакского пединститута.

Экспедиционная работа рекогносцировочного характера проводилась в Чимбайском р-не Каракалпакской АССР. Основной темой было изучение родоплеменного состава каракалпаков, проживавших в колхозах Чимбайского р-на (Т. Жданко). Собирали также материалы по семейной обрядности, одежде и украшениям (Н. Лобачева), транспорту (Л. Моногарова и М. Райт). Фиксировали все виды колесного транспорта (виды арбы), вьючного (на ослах, верблюдах) и водного (виды лодок). Изучали типы жилищ, делали чертежи планов и разрезов юрт и домов, приемы строительной техники.

В 1946 г., окончив истфак и получив диплом с отличием, я смогла сразу без двухгодичного стажа работы по специальности поступить в аспирантуру. Решила сдавать экзамены в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Т.А. Жданко предложила мне поехать с ней в экспедицию в Каракалпакию, но уже в другой район – Кун-

градский. Я, конечно, с радостью согласилась и, сдав экзамен по специальности, на другой день поехала с коллегами в Нукус.

Как и в предыдущем году, отряд Т.А. Жданко назывался первым. Полевые этнографические исследования его продолжались более трех месяцев. В отряде работали Б.В. Андрианов (сотрудник института, по образованию географ и топограф), я, Л.С. Толстова (студентка МГУ), переводчик Р. Косбергенов. Второй этнографический отряд, которым руководила К.Л. Задыхина, изучал этнографию «северных» узбеков Каракалпакии. В этом отряде проходил студенческую практику Ю.В. Кнорозов, ставший впоследствии всемирно известным ученым. Как справедливо утверждалось в посвященном ему некрологе, «История дешифровки древних систем письма теперь вписывается между двумя именами: Шампольон и Кнорозов... Он вне сопоставлений и конкуренции современников»[5]. Третий отряд (руководитель М.В. Сазонова) собирал этнографический материал среди «южных» узбеков республики.

Отряд Т.А. Жданко в полевом сезоне 1946 г. продолжил начатое в 1945 г. планомерное рекогносцировочное изучение каракалпаков.

Первый месяц отряд работал на раскопках замечательного памятника – замка Топрак-кала. Красота пустыни завораживает, а развалины древнего города в лучах восходящего или заходящего солнца создают впечатление, что ты попал в сказочную страну. Жаль было улетать в Нукус. Работая в разных колхозах Муйнакского и Кунградского районов, мы из одного колхоза в другой перелетали на самолетах По-2 (отслуживших свой срок в годы войны с фашистами), переплывали на лодках по протокам дельты р. Амударьи, преодолевая камышовые заросли, и по Аральскому синему-синему морю. Даже укусы комаров не могли уменьшить радости восприятия первозданной красоты этого уголка нашей планеты.

В 1946 г. по поручению Т.А. Жданко я занималась в основном сбором полевого материала по семейным отношениям и родовой принадлежности супругов племенного союза Кунград.

Сбор полевого материала по родоплеменным и семейно-брачным отношениям в прошлом и в 40-е годы XX в. в экспедициях 1945 и 1946 гг. в Каракалпакии пробудили у меня постоянный интерес к этнографическим аспектам общественной и семейно-брачной жизни, национально-смешанным бракам.

Вернувшись из экспедиции, сдала экзамены по иностранному языку и философии и в ноябре была принята в аспирантуру ИЭ. Начала изучать таджикский язык.

Одним из приоритетных научных направлений в советской этнографии в 1940–1950-е годы было монографическое описание этнографически малоизученных или неизученных народов нашей страны.

Мой научный руководитель С.П. Толстов предложил мне написать исследование по этнографии «загадочного» народа, проживающего в труднодоступной высокогорной долине Западного Памира. Тема кандидатской диссертации – «Язгулемцы (опыт монографического описания)». Если о других памирских народах было написано несколько статей и три книги, в которых есть сведения по некоторым аспектам традиционной культуры ваханцев, шугнанцев и хуфцев, то первое упоминание российских ученых об язгулемцах принадлежит ботанику доктору А.Э. Регелю, экспедицию которого в верховья р. Пяндж в 1881–1882 гг. субсидировало Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. А.Э. Регель не смог преодолеть путь в долину Язгулема (Юздом по язг.), но слышал о язгулемцах в 1882 г. и написал, что жители этой долины говорят на особом языке и своей наружностью и нравами отличаются от дарвазцев[6].

Первых исследователей высокогорных долин Западного Памира (геологов, ботаников, военных и других) в конце XIX в. ожидали большие трудности: и природные условия, и политическая ситуация требовали от них не только крепкого физического здоровья, но и дипломатических способностей, которые были необходимы в условиях соперничества Великобритании и России за влияние в этих краях. За гостепри-

имство, оказанное российскому ученому А.Э. Регелю, правитель Шугнана Юсуф-Али-Хан был казнен эмиром Афганистана Абдуррахманом.

Готовясь к полевым работам в Язгулеме, прочитала все доступные мне статьи и книги о памирских народах и поняла, что необходимо проводить многомесячные стационарные полевые исследования. Имея успешный опыт полевой работы в трех экспедициях 1944–1946 гг., я чувствовала себя подготовленной для длительных экспедиционных выездов.

К моему счастью, в 1947 г. в ИЭ была организована Таджикская экспедиция. Руководителем ее стал известный ленинградский этнограф Н.А. Кисляков; члены экспедиции – С.П. Русяйкина, Л.Ф. Моногарова (Москва), архитектор В.Л. Воронина (прикомандированная из Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры, Москва) и О.Л. Данскер (научный сотрудник Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР).

Полевые исследования по своим плановым темам Н.А. Кисляков, О.Л. Данскер, В.Л. Воронина и С.П. Русяйкина проводили в кишлаках Калаи-Хумбского р-на, в том числе в долине р. Ванч (правильнее Вандж).

Я начала свои стационарные исследования в долине Язгулема в 1947 г. (продолжила в 1948 и 1949 гг. в общей сложности до года). В Язгулем со мной впервые отправились Н.А. Кисляков и В.Л. Воронина. Пешком дошли до кишлака Джамак (60 км от Ванджа до впадения Язгулема в Пяндж и еще 35 км до Джамака, вверх по долине Язгулема). В этом кишлаке жил 80-летний информатор Кислякова Махмадулло-Бек Кыргызов[7], о котором писал Б. Лапин и с которым Николай Андреевич познакомился в середине 1930-х годов в Вандже, когда собирал там материал для своей монографии «Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа»[8].

Мы жили в усадьбе неразделенной семьи Махмадулло-Бека Кыргызова из *каума* (патронимии) Толиби, который стал одним из моих постоянных информаторов. В 1947 г. Н.А. Кисляков и В.Л. Воронина провели в Джамаке всего дней пять и ушли в Ванч и Калаи-Хумб. Однако за эти пять дней мы с Вероникой Леонидовной нашли время сделать план усадьбы семьи Кыргызовых[9], а Николай Андреевич свои впечатления о кратковременном пребывании в почти неизвестном науке Язгулеме и его жителях изложил в очерке о язгулемцах[10]. Вслед за ним я опубликовала статью (по материалам 1947 и 1948 гг.) «Язгулемцы Западного Памира»[11], а Вероника Леонидовна – «Жилище Ванча и Язгулема»[12].

После ухода в Ванчскую долину Н.А. Кислякова с В.Л. Ворониной я переселилась в кишлак Андербак, расположенный на конусе выноса р. Язгулем в ее среднем течении, что также было очень удобно для посещения кишлаков, лежащих как ниже по течению реки, так и в ее верховьях. Андербак, центр кишлачного совета «Язгулем», расположен почти в 5 км от перевала Гушхон («кровь из ушей») (свыше 4 тыс. м над уровнем моря), который сокращал путь от центра района – сел. Рохарв до кишлаков Язгулема на много часов.

В Андербаке в 1948 г. было 60 семей, на семь меньше, чем в Джамаке. Однако в нем жило значительно больше автохтонных каумов – 24, а в Джамаке всего 10.

У меня в Андербак было письмо к главе каума Мирбони Мамед-Гавосу Саломову от его родной сестры Одинамо́, которая вышла замуж за татарина Гайнутдинова и жила в столице Таджикистана Душанбе (в те годы – Сталинабад). Она написала ему подробное письмо о том, что я историк и изучаю быт и культуру памирских народов. Это письмо я передала Саломову, когда шла с Н.А. Кисляковым и В.Л. Ворониной в Джамак. «Устная почта» быстро информировала все население Язгулема, кто мы, откуда и чем занимаемся. В Андербак я пошла одна, так как хорошо запомнила дорогу и дом Мамед-Гавоса. Меня встретили очень приветливо, и Мамед-Гавос познакомил меня со своим племянником Шейхом Джалиловым, который хорошо знал русский язык. Работал он почтальоном: раза три в неделю ходил за письмами и газетами в центр Ванча – Рохарв через перевал Гушхон. Это было для меня большой удачей, потому что в Язгулеме не все люди, особенно пожилые, в те годы знали тад-

Л.Ф. Моногарова с Мамед-Гавосом Саломовым – главой каума (патронимии) Мирбони из долины р. Язгулем (Западный Памир). 1964 г.

жикский язык, а их родной язгулемский таджики не понимали. Язгулемский, как и языки других памирских народов, относится к памирской группе восточноиранских языков, а таджикский язык – к западноиранским. Для людей среднего возраста и молодежи таджикский был, как и для меня, чужим языком, может быть, поэтому мы хорошо понимали друг друга, но если я вела беседу с информатором, не владеющим таджикским, необходим был переводчик, владеющий русским языком. Мне много раз помогал Шейх, а в других кишлаках – преподаватели русского языка. Дети, поступавшие в первый класс, не знали таджикского. Однако обучение велось на таджикском, а со второго класса преподавали как предмет русский язык. Большие трудности в обучении испытывали и дети, и учителя.

В Язгулеме в 1947 г. я как бы попала в другую историческую эпоху, патриархально-феодальную с натуральным хозяйством, в том числе меновой торговлей. В долине не было электричества, радио, телефона и даже медицинского пункта. С 1905 г., когда Россия взяла правобережье Пянджа под свое управление, и до 1940 г., когда была проложена автомобильная дорога от Душанбе до Хорога (столицы Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР) по правому берегу Пянджа, язгулемцы почти не имели общения с русскими. Достижения цивилизации, как я видела, к ним еще не дошли. Общение с соседними народами возможно было лишь два–три месяца в году, когда открывались перевалы: в Ванч – Гушхон и в долину Бартанга – Кумоч и Одуди. Самыми узкими и труднопроходимыми на Западном Памире всегда считались долины Бартанга и Язгулема.

В начале XX в. вплоть до 1910 г. верхняя часть долины Язгулема на картах обозначалась пунктиром. На скале возле одной из горных троп в долине Бартанга выбита надпись: «Путник, будь осторожен. Ты здесь как слеза на реснице». Д.В. Наливкин писал: «Все сообщение шло только по оврингам – искусственным сооружениям, иногда настолько опасным, что даже собака не могла пройти по ним и ее приходилось нести в корзине за плечами. Особенно труден был переход по правому берегу Пянджа между устьями рек Ванч и Бартанг. Долина реки Язгулема, располо-

женная между ними, была доступна всего 1–2 месяца в году и фактически изолирована»[13]. На самом деле не все тропы являлись оврингами. Наливкин не прав. Пешеходные тропы прерывались в непроходимых местах оврингами.

Что такое овринг? Это искусственный карниз. Его строят, вбивая в трещины отвесной скалы на расстоянии мужского шага деревянные колья, выступающие из скалы на расстояние до метра. На эти колья настилают бревнышки, прикручивая их к кольям веревкой, сплетенной из бересты. На бревнышки кладут ветки, хворост и поверх них насыпают битый камень, гальку. Такие овринги вьются по отвесному склону, достигая 150–300 м в длину, поднимаясь вверх и спускаясь вниз на значительной высоте (часто вниз по отвесу 300 м!), нависая над бурлящей рекой. По таким оврингам мужчины переносили на спине грузы. У памирских народов, в том числе и у язгулемцев, никогда не было колесного транспорта, и все грузы переносили на спине (вещи, зерно после обмолота, дрова, хворост и пр.), поэтому так разнообразны у них изобретенные в течение веков различные специальные приспособления для переноски груза[14]. Перед узкими тропами и оврингами навьюченный груз снимали с ослов, их осторожно переводили, а груз несли на спинах. Пройдя овринги, снова навьючивали груз на ослов. И так приходилось проделывать в пути несколько раз.

Труднодоступность и изолированность долины обусловили сохранение и даже преобладание у язгулемцев традиционных элементов культуры над советскими инновациями. Бросалось в глаза сочетание патриархально-феодального общественного быта с внедряемыми в жизнедеятельность язгулемцев новыми формами труда в тозах (товарищества по совместной обработке земли), затем в колхозах. Эти формы труда были близки к традиционным формам коллективного труда в кишлачных общинах – производственных артелях, в которые объединялись хозяйства, имевшие по одному волу (для пахоты необходимы два) и не имевшие посевного зерна, с хозяйствами, в которых не было волов, но было зерно. У язгулемцев пахотную землю передали колхозам (в 1936 г.), а пастбища (летовки) остались в пользовании соседской сельской общины, сосуществовавшей с патронимией. Семьи (хозяйства), входившие в определенную патронимию, пользовались своими пастбищами для выпаса личного скота на летовках, являвшихся общей собственностью членов этой патронимии. Колхозный скот выпасали в другом месте.

Я работала во всех кишлаках долины Язгулема. Кроме сбора материала по этнографии народа мною по просьбе известного антрополога Г.Ф. Дебеца, который проверил правильность моих антропометрических знаний на практике (на аспирантах Академии наук, проживавших в общежитии и относящихся к разным подтипам европеоидной и монголоидной рас), были проведены соответствующие измерения у 60 мужчин и 40 женщин язгулемцев. После защиты диссертации эти материалы были переданы ленинградскому антропологу В.В. Гинзбургу по его просьбе.

От тракта Душанбе–Хорог в долинах стали постепенно, с 1960-х годов проводить автомобильные дороги. Сообщение между кишлаками поддерживали, пользуясь пешеходными тропами и оврингами.

Когда началась добыча кварца в горах верхнего Язгулема, геологи проложили по правому берегу тропу, чтобы не пользоваться оврингами. По левому берегу сообщение между кишлаками Джафак и Богуз шло по тропе, прерываемой тремя оврингами (один – 150 м на склоне скалы песчаной породы, второй – около 250 м на склоне очень твердой, скользкой породы, третий – 200 м, как и первый, на склоне скалы песчаной породы).

В 1948 г. мне предстояло работать в кишлаках, расположенных выше Джамака – в Зайче, Джафаке, Богузе, Убагне и Барнавадже, где находилась база геологов.

Перекинув полевую сумку через плечо, пошла в кишлачный совет, куда, как мне сказали, пришел из райцентра ветеринар, направлявшийся в кишлаки верхнего Язгулема. Председатель кишлачного совета познакомил нас и попросил его быть моим проводником. В путь я была готова отправиться сразу, но только после обязательного угощения чаем с сушеными ягодами белого тутовника председатель проводил

Л.Ф. Моногарова с 102-летней шугнанкой Момо Хунзо. Кишлак Рошткала в долине р. Шахдара (Западный Памир). Рошткалинский сельсовет Шугнанского р-на Горно-Бадахшанской автономной обл. Таджикистана. 1966 г.

нас до окраины кишлака. На ноги я надела традиционные шерстяные вязаные с ярким орнаментом длинные носки – *джурабы*, обула традиционные сапоги *там* из кожи горного козла (*нахчир*) на мягкой подошве. Отдохнув в Джафаке и угостившись дикой вишней, мы отправились дальше. Я хотела по мостику через р. Язгулем перейти на правый берег, где уже начиналась проложенная геологами тропа. Однако мой спутник сказал, что «геологическая» дорога ведет прямо в Барнавадж и, чтобы не ночевать на тропе, сидя и обороняясь от водяных змей, надо идти по оврингам прямо в кишлак Богуз, затем в Убагн и Барнавадж. Я ответила, что слышала о разрушении оврингов снежными обвалами 1947 г. и что их не чинили, дороги нет. В это время мы увидели знакомого язгулемца, спускавшегося с правого берега на мостик. Узнав о нашем споре, он сказал, что я права. Овринги разрушены. Он хотел по ним пройти, но едва ступил на первый, как понял, что не пройдет, и пошел в обход через Убагн. Когда наш знакомый ушел, я ступила на мостик, но мой спутник сказал, что он не пойдет в обход, это долго, до Убагна мы не дойдем дотемна и что этого человека слушать не надо, он не умеет ходить.

Мне ничего не оставалось, как идти к первому оврингу. Я до сих пор не могу поверить, что прошла все три. Это не были овринги – в отвесном склоне скалы зияли только отверстия, куда вбивали бревнышки. Ветеринар, увидя это, пошел впереди меня. Я шла за ним, следя за его ногами. Руками хватаясь за выступы на скале, вставляла носок сапога в ямку, затем переносила ногу, стремясь удержаться руками за выступы, делала шаг в следующую ямку и т. д. Вдруг я поняла, что дотянуться до следующей ямки не смогу. Ветеринар все время оглядывался, следил за моими движениями и моментально подставил мне свою ногу, опершись ею о стенку скалы. Я поставила свою ногу на его ногу, и мы пошли дальше. Цепляясь руками за выступы скалы и переставляя носок сапога из ямки в ямку, я едва перевела дух, когда этот кошмар закончился. Было страшно, но повернуть назад и одной повторить пройденный путь нечего было и думать. Очень тяжелым оказался путь по второму, самому

«скользкому» овринту. Третий прошли легче, ямки были выбиты в трещинах песчаной породы, на расстоянии шага одна от другой. Уже стемнело, когда мы спустились в Богуз. Почти все жители небольшого кишлака сбежались смотреть на нас. Никто не мог пройти здесь, но чинить овринги не хотели, потому что бревна трудно достать – дорого да и тропу геологи проложили по правому берегу. Для жителей Богуза было сенсацией, что русская прошла! Ощущения от этого перехода, полученные более 50 лет назад, я передать и сейчас не в силах. На утро мой спутник ушел, а я осталась работать в Богузе. Мне помогал как переводчик заведующий начальной школой Алиев. В 1960–1970-е годы он работал директором средней школы в Андербаке. Дружбу с ним, как и с другими информаторами из долин Западного Памира, я сохраняла до распада СССР.

О состоянии моих рук, «обуви» и ногтей пальцев рук и ног я лучше умолчу. За время работы в Богузе все зажило без осложнений. К моим сапогам пришили новую подошву.

Передать словами сказочную красоту высокогорной страны невозможно. Нельзя оторвать взгляд от горных склонов, почти лишенных растительности, но под лучами солнца, освещающего их в определенное время дня в различные палевые тона, выглядевших как на живописных полотнах Н.К. Рериха! И эту красоту венчают сверкающие на солнце снежные шапки на пиках хребтов!

В самом верхнем кишлаке – Барновадже жили всего три семьи (хозяйства). Работу я закончила за три дня. В этом кишлаке находилась база геологов Памирской геологической экспедиции. Все они были в горах, а на базе оставались лаборанты-студенты и медсестра. Накануне моего ухода на базе истопили баню. После бани за ужином все с интересом слушали мои рассказы о язгулемцах, но с трудом поверили, что я прошла овринги. Утром отправилась в обратный путь уже одна. Шла в кишлаки (с обходом), работала по несколько дней в каждом. О составе семей язгулемцев в верхних кишлаках я знала заранее, потому что еще в 1947 г. в первую очередь ознакомилась с похозяйственными книгами в кишлачном совете в Андербаке. По каждому колхозу в этих книгах имелись сведения о числе хозяйств (семей), членов семьи, возрасте каждого, образовании, профессии, родственных отношениях с главой семьи (хозяйства, «дома»)[15].

При работе с похозяйственными книгами в кишлачном совете обязательно присутствовали два–три информатора 70–80 лет. Они давали сведения о принадлежности семьи к определенной патронимии (кауму). К заключению о необходимости работы с такими источниками, как похозяйственные книги в селе и домовые в городе, я пришла еще в 1947 г. в Язгулеме[16]. Во время студенческих практик в экспедициях 1944–1946 гг. наши руководители о таком источнике не упоминали. Возможно, и представления о нем не имели. В 1948 г. в кишлачном совете Язгулема в Андербаке я получала сведения о заключении браков и о разводах. Секретарю кишлачного совета вменялось в обязанность оформление этих актов гражданского состояния. Сведения о подобных актах имеются и в архиве загса в Хороге (по пути в Язгулем я в 1948 г. прилетела в г. Хорог и две недели работала там, ознакомилась с архивами, в том числе архивами статуправления). В кишлачных советах они хранились с 1935 г.

В каждом кишлаке долины Язгулема проверяла у информаторов полученные мной сведения о числе хозяйств определенных каумов в каждом квартале кишлаков, о соотношении браков заключенных по традиции и зарегистрированных в кишлачном совете, а также о разводах, их причинах и отношении к ним в обществе.

Я очень благодарна Б.В. Андрианову, который в экспедиции 1946 г. в Каракалпакию научил меня проведению глазомерной съемки местности при помощи компаса, транспортира и многометровой рулетки. Мной было составлено два плана расселения патронимий по кварталам кишлаков Андербак и Матраун. Показаны дома (усадьбы), поля, сады, водяные мельницы и мечети (по одной в квартале), отмечено, где живет определенная патронимия. Мечеть – это бывший «дом огня» (*алоу-хона*), в одной из стен которого сделана ниша – *мехроб*, указывающая направление к Мек-

Новый дом с окнами, в котором в семье старшего сына жила Момо Хунзо. 1967 г.

ке. Это место для муллы во время проведения молитвы. «Дома огня» выполняли функции общинных домов, где собирались члены патронимии обсуждать дела, ночевали молодежь, гости. Обращение этих домов в мечети связано с насильственной сменой конфессии.

В Язгулеме суннизм внедрили муллы бухарского эмира, когда тот в 1878 г. захватил Дарвазское шахство, к которому принадлежали жители долин Ванджа и Язгулема. Одни только жители кишлака Андербак и некоторые каумы в кишлаках верхней части долины остались исмаилитами. Мной была составлена карта-схема расселения каумов в долине Язгулема и план кишлака Андербак, на котором показано, какие каумы живут в его кварталах[17].

Во время работы над составлением карт-схем, после возвращения из верхних кишлаков в Андербак, я переболела неизвестной болезнью. Были четыре приступа, они повторялись через разное число суток: второй приступ через четверо суток после первого, спустя двое суток – третий приступ и через пять суток – последний. Приступы начинались или днем, или вечером и продолжались несколько часов. По возвращении в Москву мне стало известно, что это, видимо, лихорадка попаттачи, передаваемая москитами. Именно для нее характерны нерегулярные приступы и очень высокая температура. Она прошла без лекарств. Все последующие годы моей работы в высокогорных долинах Западного Памира[18] приступов этой болезни у меня не было, хотя я ездила в экспедиции и осенью, и летом, когда свирепствовали москиты.

В 1949 г. была продолжена работа в архивах Душанбе, Бухары, Ташкента и Хорога. В 1950 г. на основании полевых исследований, архивных данных и литературных источников мной была написана и 27 марта 1951 г. защищена на Ученом совете ИЭ кандидатская диссертация «Язгулемцы (опыт монографического описания)». В том же году меня приняли на работу в Музей землеведения МГУ, который намечали открыть на 32-м или 33-м этаже нового строящегося здания на Ленинских (Воробьевых) горах, на должность заведующей отделом «Население и хозяйство СССР». Курировал работу проф. Ю.Г. Савушкин, работавший на географическом факультете. Однако мы еще не успели переехать в новое здание, как в декабре 1951 г. авторитет-

ная правительственная комиссия изменила профиль музея, объявив, что он будет физико-географическим и минералогическим, и мой отдел упразднили.

Как автора нескольких статей во втором издании БСЭ, меня пригласили в редакцию археологии, этнографии и антропологии этого издательства. Там работала моя сокурсница, талантливый этнограф Ю.В. Иванова. С 1952 г. и до 1954 г. я работала старшим научным редактором, а с 1954 г. исполняла обязанности заведующей редакцией до 4 мая 1959 г., когда меня путем перевода приняли в Институт этнографии. Его директор С.П. Толстов был членом редколлегии БСЭ и курировал работу редакции археологии, этнографии и антропологии. Он знал, что я очень хочу заниматься полевыми исследованиями. Ведь работая в БСЭ, я только в 1953 и 1956 гг. смогла в свой отпуск поехать в Таджикистан и на Западный Памир. Получить пропуск в погранрайоны ГБАО мне, как своему члену, помогло Всесоюзное географическое общество.

Меня зачислили в сектор этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Работа в редакции археологии, этнографии и антропологии БСЭ способствовала значительному расширению моей эрудиции, что помогло мне успешно сочетать с 1960 по 1972 г. обязанности заместителя главного редактора журнала «Советская этнография» (член его редколлегии по 1981 г.) с научно-исследовательской работой по плану сектора этнографии Средней Азии и Казахстана, включавшей экспедиционные выезды.

В научные планы сектора в 1950–1960-е годы входило этнографическое изучение сельского населения Узбекистана. При выборе объекта руководитель работы, начальник Среднезеравшанского отряда Б.Х. Кармышева выбрала население Пастдаргомского р-на Самаркандской обл. По неоднородности национального состава населения этот район типичен для Узбекистана. Преобладает в нем узбекское население, состоящее из оседлых земледельцев и узбеков с родоплеменным делением, в прошлом кочевых и полуоседлых скотоводов. В работе отряда принимали участие сотрудники как московской части сектора (В.Н. Басилов, Г.П. Снесарев, Л.Ф. Моногарова, М.А. Синеглазова), так и ленинградской (Р.Я. Рассудова). В отряд входили фотографы В.И. Котовский и М.С. Карамзин, художница Т.В. Полетика и др. В экспедиционных поездках 1960, 1961 гг. и дважды в 1962 г. я собирала этнографические материалы по проблемам семьи у узбеков, таджиков и арабов в кишлаках Чархинского кишлачного совета. Кроме бесед с информаторами работала в кишлачном совете с похозяйственными книгами, а когда дважды пришлось ездить вдвоем с художницей, мы жили в семьях. Население охотно нам помогало, приглашало на праздники: *суннет-той* (обрезание), *бешик-той* (укладывание в колыбель). Мы присутствовали при проведении свадебных обрядов, особенно интересна праздничная трапеза – *катта-той*, знаменующая перевоз невесты в дом жениха. По материалам экспедиции коллективом сотрудников была опубликована книга «Этнографические очерки узбекского сельского населения», в которой мной написана глава «Семья и семейный быт»[19].

С 1964 г. я много времени уделяла полевым исследованиям среди таджиков в равнинных и горных регионах Таджикистана, таджиков Узбекистана (районы Ташкента, Бухары, Самарканда), памирских народов в высокогорных долинах Западного Памира. Полевые исследования проводились среди сельского и городского населения. Мои научные интересы сосредоточились на изучении проблем семьи, структуры семьи, общественных отношений, роли патронимии у памирских народов и таджиков. Проявление в семье этнических отношений – важная проблема в многонациональном государстве. Понадобились архивы загсов, кишлачных советов. Особое внимание уделялось изучению протекавшего в те годы и имеющего многовековую историю процесса ассимиляции памирских народов таджиками, а с 1960-х годов – усилившегося процесса консолидации памирских народов в новую этническую общность «помири» (памирцы).

Сдав подготовленную к печати главу о семье в упомянутую выше коллективную монографию об узбекском сельском населении, я продолжила свои исследования по этнографии памирских народов. Занималась изучением их хозяйства, материальной и духовной культуры, в том числе народными верованиями, обычаями и выполняемыми по обычаю обрядами. Верующие памирцы исповедуют ислам в форме исмаилизма, имеющего своеобразные элементы, отличающие их от исмаилитов других стран. Начала я собирать этот материал у шугнанцев, когда в 1953 г. прилетела самолетом в Хорог. Несколько дней работала в краеведческом музее, а потом отправилась с заведующим музеем в шугнанский кишлак Нишусп, чтобы выполнить просьбу Г. Ишанкулова – директора Республиканского историко-краеведческого музея. Он просил меня привезти традиционный вертикальный ткацкий стан (шугнан. – *чор-сетан*), на котором мужчины ткут полосатые паласы из козьей шерсти. У памирских народов ткачи – мужчины. На горизонтальных ткацких станах они ткут из овечьей шерсти шерстяные ткани; если могли достать хлопок, то ткали хлопчатобумажную ткань (*карбос*). Я уговорила продать этот стан для музея, сказав, что в Сталинабаде есть только горизонтальный. Хозяин стана, крестьянин Шамшер Якубов, согласился продать за 800 руб. По его словам, этот стан изготовил в 1860-е годы мастер Джалил Шурчиев. Стан разобрали, я зашила его в карбос и отправила в Сталинабад самолетом. Он и в 1999 г. был выставлен в одном из залов музея. Потом из Хорога я доехала попутной машиной до устья Язгулема и пешком пошла в свой родной Андербак. Все преобразования в быту и культуре я тщательно фиксировала.

Как отмечалось выше, с 1964 г. я смогла уделять больше времени полевым исследованиям на Западном Памире. В план работы сектора Средней Азии и Казахстана была включена подготовка «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». Собирать материалы к Атласу по памирским народам поручили мне. Ежегодно я выезжала на Западный Памир в экспедицию с одним–двумя научными сотрудниками, иногда одна, а также в командировки для работы в архивах.

В 1964 г. ездила на полевые работы с художницей Р. Разинчевой. Она зарисовывала одежду, обувь, орнаменты вышивок и вязанных из цветной шерсти джурабов. Мы с ней работали в долинах Язгулема и Пянджа, в Рушане и Шугнане, в г. Хороге. В 1965 г. ездила в Рушан, Шугнан и Хорог, работала в архивах районов и в архиве ГБАО в Хороге.

В 1966 г. мне удалось получить в Душанбе грузовую машину и с отрядом, в который входили художник и фотограф М. Мечев и Ф.Д. Люшкевич (сотрудница ленинградской части нашего сектора) проехать по только что проложеной дороге в кишлаки Рушана и долины Бартанга – до кишлака Сипондж. Оттуда я с М. Мечевым дошла до кишлака Аджирх. Там Мечев остался работать, зарисовывать интерьеры, предметы быта, орнаменты на джурабах и т.п. Я пошла одна в кишлак Басид. Жители уже слышали, что работают историки, а когда я им объяснила, что по специальности этнограф, изучаю их культуру, как это делал Иван Иванович Зарубин, они обрадовались, сказали, что рады видеть у себя ученицу Зарубина, и очень мне помогали.

Из кишлака Сипондж мы на машине поехали в Шугнан, работали в припянджских кишлаках, в долине Гунта, в Вахане. Дорога шла до кишлака Лянгар. Я собирала здесь материал по семье, семейной обрядности, патронимии, работала в архиве кишлачного совета и т.п. В г. Хороге мы взяли с собой известного лингвиста Т. Пахалину, научного сотрудника Института языкознания АН СССР, ей очень нужно было попасть в Вахан. Она помогала мне, переводила во время бесед с информаторами с ваханского языка на русский.

В 1967 г. на Западный Памир со мной ездила научный сотрудник ленинградской части сектора Л.А. Буланова, ученица А.З. Розенфельд. Она в основном занималась терминологией. Был в экспедиции художник и фотограф В.И. Агафонов. Мы пользовались попутными машинами, работали в тех кишлаках Рушана, в которые не успели попасть в 1964–1966 гг., а также в г. Хороге, в Шугнане, в долине Гунта и Шах-

дары, в кишлаках Рошткалинского кишлачного совета. В.И. Агафонов зарисовал здесь много старых домов и интерьеров, а также орнаменты джурабов, предметы быта.

Я много фотографировала, но для «страховки» иногда просила художников, которые не расставались с фотоаппаратами, продублировать снимки некоторых необходимых мне объектов. Фотографировали в долине Пянджа, строго соблюдая правило стоять «спиной к Афганистану», так как берег Афганистана было запрещено фотографировать (погранзона).

На основе полевых исследований и собранных архивных материалов в 1969 г. мной написана монография «Преобразования в быту и культуре припамирских народностей», а также целый ряд статей по этническим процессам[20].

В подготовке атласа участвовали и этнографы союзных республик Средней Азии и Казахстана. Я согласовывала свою деятельность с этнографами Таджикистана. По памирским народам со мной с 1970 г. начал работать И. Мухиддинов, научный сотрудник сектора этнографии Института Истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Он собирал материал по земледелию и ирригации, я – по скотоводству, продолжая свои исследования по семье и этническим процессам.

В 1970 г. Памирский отряд, кроме меня, включал известного ученого Б.В. Андрианова (изучал различные ирригационные системы для атласа), И. Мухиддинова, который для своей диссертации собирал материал по орошаемому земледелию у ваханцев и ишкашимцев и по теме атласа расширил сбор материала у других памирских народов, архитектора В.Л. Воронину, работавшую в Язгулеме со мной в 1947 г., фотографа Морозова и шофера машины, которую нам дал начальник антропологического отряда А.А. Воронов. В Кулябе я, Андрианов и Воронина работали дней 20, на такое же время получили машину и для поездки на Памир.

Подготовка атласа продолжалась до 1975 г., когда он был обсужден на Ученом совете ИЭ и рекомендован к печати. К сожалению, по объективным причинам (отказ картографического учреждения печатать цветные карты) атлас все еще ждет публикации.

Работая над атласом, я и Мухиддинов собрали интересный этнографический материал, впервые введенный в научный оборот в наших статьях и книгах[21]. И. Мухиддинов, используя свои полевые материалы к атласу, защитил в 1972 г. кандидатскую диссертацию и опубликовал монографию по земледелию ваханцев и ишкашимцев[22].

Продолжая далее работать под моим руководством, И. Мухиддинов выявил и обосновал хозяйственно-культурный тип, отсутствовавший в глобальной хозяйственно-культурной типологии народов мира и назвал его «оседлые пашенные земледельцы-ирригаторы и скотоводы высокогорных зон Западного Памира, Гиндукуша, Северных Гималаев и Каракорума». На эту тему в 1984 г. им была опубликована монография и защищена докторская диссертация «Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных стран (XIX – начало XX века)». Важным вкладом в науку, отраженным в этой книге, является также исследование им этнической традиции в этнографии, в том числе и в агроэтнографии[23].

После завершения работ над атласом мной был продолжен сбор полевых и архивных материалов по сельской и городской семье таджиков и памирских народов, по этническим процессам, проходившим на наших глазах, по доисламским верованиям. Было решено совместно с этнографами союзных республик Средней Азии и Казахстана готовить монографии по сельской семье в каждой республике. Тема – «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана». Координатором работ выступал, естественно, сектор Средней Азии и Казахстана ИЭ в лице его заведующей Т.А. Жданко. Она знала, что я готовила монографию по городской таджикской семье, и, договорившись с заведующей сектором этнографии Института истории АН Таджикской ССР М. Хамиджановой, сбор материала и подготовку к публикации монографии по сельской таджикской семье поручила мне и И. Мухиддинову. Я твердо убеждена в том, что нельзя изучать этнографию народа,

проводя исследование только сельских жителей. Необходимо в тот же временной период параллельно изучать и городских жителей.

Проводя исследования традиционной культуры, необходимо изучать и современную. Элементы традиционной культуры, продолжающие функционировать во время проведения этнографического исследования, нельзя рассматривать как «пережиток».

В советский период истории нашей страны этнографы, получая средства, достаточные для проведения полевых исследований и командировок, собирали богатый фактический материал, разносторонне отражавший реальную жизнь. Но высшее руководство страны спешило все народы, живущие в СССР, не учитывая неравномерность их экономического и социокультурного развития к моменту образования СССР, представить находящимися на одной стадии исторического развития, а жесткая цензура требовала все бытующие элементы традиционной культуры в публикуемых статьях и книгах именовать «пережитками».

К таким «пережиткам» следовало относить и патронимию. Естественно, в силу социальных преобразований в советский период она частично утеряла свои функции (например, частную собственность на землю), но сохранила коллективное владение летовками всеми семьями, являющимися ее членами. Патронимия у таджиков и памирских народов, как и у других народов Средней Азии, продолжает выполнять свои социальные функции в обществе, в семейной обрядности и в сельской местности, и в городе[24]. В национальном отношении население города более мозаично (пестро), чем сельское население. Этническая структура городов в разных регионах различна. Основой для типологии городов при этнографическом изучении их населения, естественно, является национальный состав. «Индекс мозаичности» как этногеографическое понятие впервые предложен крупным урбанистом В.В. Покшишевским[25]. Проводить изучение городской семьи без этносоциологического опроса семей в репрезентативно отобранных городах невозможно. Для того чтобы такой отбор осуществить, необходимо было провести типологию городов Таджикской ССР (на момент проведения репрезентативной выборки). В работе В.В. Покшишевского показана методика определения этнической структуры города, но задача разработки методики конкретного определения индекса этнической мозаичности им была только поставлена. Пришлось мне провести комплексную типологию городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения; в ней мной предложена методика определения индекса этнической мозаичности как основы структурного анализа национального состава города[26].

Был выбран ряд городов (Душанбе, Хорог, Регар, Исфара, Ура-Тюбе, Орджоникидзеабад, Куляб). Они представляют все три этнокультурных региона, где живут таджики и памирцы: северо-западный (к северу и западу от Гиссарского хребта), юго-восточный (к югу и востоку от Гиссарского хребта) и западнопамирский. В их числе были старые и новые города, выполняющие разные народнохозяйственные и административные функции, различной численности и этнической структуры. В них жило свыше 50% населения Таджикской ССР. Города, выбранные для проведения этнографического исследования городской семьи, отражали общие условия жизни городского населения Таджикской ССР. Исследования любых этнографических особенностей, например, семьи какого-либо другого города этой республики в 1972–1982 гг., качественно ничего нового в общую картину не внесли бы. Города отобраны, осталось выбрать семьи и разработать вопросник по этнографическому изучению городской семьи таджиков и памирцев в единственном тогда городе ГБАО – Хороге.

Предстояло сделать репрезентативную выборку кишлаков для этнографического изучения сельской семьи. Я была очень рада, что мой соавтор по теме сельской семьи живет в Таджикистане и ему доступны необходимые материалы для репрезентативной выборки кишлаков. Так как по сельской семье Ленинабадской обл. у меня были как полевые материалы, так и новые литературные источники, мы решили

провести анкетный опрос в Гиссарской и Вахшской долинах и Кулябской обл. В 1980–1982 гг. провели репрезентативную выборку кишлаков[27], а затем исследования и анкетный опрос семей (каждая вторая таджикская семья) в 12 кишлаках (по четыре кишлака в каждой долине). Кишлаки выбирались как с этнически однородным (таджикским) населением, так и с пришлым таджикским (особенно с переселенцами с гор на освоенные под хлопчатник земли) и инонациональным населением. В этих 12 кишлаках проводились стационарные этнографические исследования семьи. Мной в 1982 г. были составлены два вопросника: «Новое и традиционное в быту городской семьи таджиков» и «Новое и традиционное в быту сельской семьи таджиков» (каждый по 1 п.л.)[28].

Вопросники были одобрены в секторе народов Средней Азии и Казахстана ИЭ, а также в Отделе агитации и пропаганды ЦК Коммунистической партии Таджикской ССР. Просили только убрать вопрос о выборе национальности подростком, родители которого имеют разную национальность. Я убрала, так как у меня уже были данные архивов паспортных отделов городских и районных отделений МВД Таджикистана. Анкетный опрос был проведен в 1982 г. за четыре месяца одновременно в городских и сельских семьях.

По распоряжению А. Каландарова, заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК Компартии Таджикской ССР проводить опрос в городе нам помогали в жилых кварталах студенты и учителя, в учреждениях и на предприятиях – выделенные дирекцией общественники. Мои помощники обязательно присутствовали на инструктаже по заполнению вопросов анкеты. Они старались все понять и проявляли интерес к этой работе. Потом мы с Мухиддиновым, также работавшие с семьями, выборочно проверяли, проводился ли опрос по анкете в указанных помощнику семьях. Все было выполнено точно и вовремя получены заполненные вопросники.

Я твердо убеждена, что по темам, связанным с исследованием современности, необходимо сочетание полевой работы (беседы с информаторами и непосредственные наблюдения) с обязательным проведением анкетного опроса при репрезентативной выборке объекта исследования (например, жители определенной национальности в кишлаке, городе). Это может обусловить объективную этнографическую характеристику объекта исследования.

Необходимо отметить, что у меня, как и у большинства моих коллег – этнографов всех поколений (старше и младше меня по возрасту), во время проведения полевых работ складывались доверительные, теплые отношения с изучаемым населением. Контакты со многими информаторами и членами их семей переросли в настоящую дружбу, которая продолжалась до начала гражданской войны в Таджикистане. Собранные мной и Мухиддиновым полевые материалы по семье (в том числе архивные), а также обработанные на ЭВМ данные анкетного опроса 1982 г. позволили мне написать и опубликовать две монографии: «Современная сельская семья таджиков» (в соавторстве с И. Мухиддиновым) и «Современная городская семья таджиков»[29].

27 апреля 1993 г. я защитила в форме доклада докторскую диссертацию «Современная семья таджиков и памирских народов».

К сожалению, после 1991 г. я не имела возможности выезжать на полевые работы в Таджикистан из-за начавшейся там гражданской войны.

Новые социальные отношения, несомненно, окажут влияние не только на общественные, но и на семейные отношения. Буду надеяться, что этнография в новых условиях в Республике Таджикистан займет достойное место в таджикской науке.

За более чем 50-летний период моего общения с народами Средней Азии я видела, какие большие успехи в преобразовании быта и культуры произошли у них в советское время, до распада СССР в 1991 г. Все происходящие изменения в здравоохранении, экономической жизни, образовании, науке, искусстве находили отражение в опубликованных мной статьях и книгах.

Для этнографа ясна зависимость традиции от экономической и социальной ситуации в стране изучаемого народа в период сбора полевых материалов. Традиционная культура не статична. В процессе ее исторического развития, взаимовлияния с традициями контактирующих народов заимствованные инновации впитываются традиционными ее формами и переосмысляются в зависимости от изменений социальной структуры общества. Особого внимания заслуживает проявление этнических процессов в семейно-брачной жизни, особенно в городах, которые более многонациональны, чем кишлаки.

На основании собранных полевых материалов по структуре сельской и городской семьи мною предложена универсальная для этнографического изучения семьи ее типология у народов Средней Азии. Я выделяю две формы семьи: большая патриархальная семья в последней стадии ее развития – «неразделенная» и малая семья. Первая форма характеризуется наличием нескольких брачных пар, вторая – одной брачной парой или отсутствием брачной пары (неполная семья). Предложенная типология семьи использована при изучении семьи у узбеков А. Абдуллоевым, у киргизов А.С. Кочкуновым, у среднеазиатских арабов З.М. Мадамиджановой.

Следует учитывать, что каждая отдельная семья не представляет собой застывшую структурную форму: неразделенная при выделе женатого сына превращается в малую, а при женитьбе второго сына на какое-то время опять в неразделенную. Малая семья после смерти одного из супругов (отца или матери) становится неполной малой, а при женитьбе одного из сыновей (обычно старшего) превращается в расширенную малую.

При изучении семьи как социальной общности следует рассматривать ее как «целостную» систему, считая ее системообразующими элементами брачно-семейные отношения. Поэтому я в своей классификации при этнографическом изучении семьи в основе ее типологизации наряду с социально-экономическими факторами или признаками-характеристиками (форма семейной собственности на средства производства и имущество, характер потребления) учитываю брачно-семейные отношения, в первую очередь число брачных пар, ведущих общее хозяйство.

Численность членов семьи, число поколений в ней не имеют определяющего значения, так как малая семья, даже нуклеарная, может иметь одно–три поколения и 12–14 и более членов семьи (учитывая обычную многодетность) – 10, 12 или более детей.

Мне посчастливилось за годы моей полевой работы в Таджикистане, начиная с 1947 г., собрать и ввести в научный оборот материалы о сосуществовании многовековых процессов ассимиляции памирских народов таджиками и процесса внутренней консолидации памирских народов в новую этническую общность памирцев – *помири*.

Исследователи конца XIX – начала XX в. не отметили эти процессы, не уловили их. Интересы у этих ученых были другие. Одни называли памирские народы «горцами верховьев Пянджа» (А.А. Бобринской, 1908 г.), другие – «иранскими племенами Средней Азии» (М.С. Андреев, А.А. Половцев, 1911 г.), «иранскими племенами Западного Памира» (Л.В. Ошанин, 1937 г.), «таджиками, припамирскими таджиками» (М.С. Андреев, А.К. Писарчик, 1953–1965 и позднее). С 50-х годов XX в. они сами стали называть себя «памирскими таджиками». А с 1970-х годов исследователи начали употреблять термины «припамирские народности» и «памирские народы». Стационарно работая в Язгулеме в 1947–1948 гг., я отчетливо видела проявления ассимиляции язгулемцев таджиками, начавшейся после захвата в 1878 г. бухарским эмиром Дарвазского шахства, куда входили долины Ванджа и Язгулема. С того времени усилились процессы таджикизации, а также обращение язгулемцев-исмаилитов в суннизм. Однако таджикский язык многие представители старшего поколения не знали, а в быту и на производстве говорили на родном язгулемском языке. В работе «Язгулемцы Западного Памира» я, еще мало работавшая в других долинах, в которых живут рушанцы, бартангцы, шугнанцы и другие памирские народы, отметив растущую общность их хозяйства, материальной и духовной культуры, языка,

написала, что язгулемцы вместе с другими памирскими народами консолидируются с таджиками в единую таджикскую нацию.

Проводя в 1960-е годы полевые исследования среди других памирских народов, я уже в 1965 г. в статье «Современные этнические процессы на Западном Памире» отметила, что «этнические процессы, происходящие среди припамирских народностей в годы социалистического строительства, характеризуются как более тесным сближением этих народностей между собой, так и одновременным частичным слиянием и усилением сближения их с таджиками»[30].

Я полагала, что наблюдаемый мной внутренний процесс консолидации памирских народов в новую этническую общность вряд ли имеет перспективы дальнейшего самостоятельного развития. У этих народов многоступенчатое самосознание, выражаемое многоступенчатым самоназванием. Выясняя свою национальную принадлежность между собой, они называли свой этноним: язгулемец – *згамик*, шугнанец – *хугни*, ваханец – *хик, вахи* и т.п. В 1960–1970-е годы общаясь с приезжими на Памир или находясь за пределами ГБАО, они определяли себя как «памирские таджики», определением «памирский» выделяя себя из основной массы этнических таджиков.

Довольно часто национальное (этническое) самосознание памирских народов проявляется в их самоназвании «памирец». Этот термин, употреблявшийся в прошлом как понятие, обозначающее географическое местожительство, во второй половине XX в. приобрел и этническое значение.

Чрезмерная активность в проведении насильственной ассимиляции усилила процесс внутренней консолидации памирских народов в новую этническую общность «помири», т.е. памирцев.

Ученые-лингвисты, памирцы по происхождению (среди которых есть и язгулемцы – кандидат филологических наук Алиев Абдул Кадыр и доктор филологических наук Исмоил Рахимов) создают алфавиты для бесписьменных языков памирских народов. Они хотят писать учебники на шугнанском языке, ставшем наряду с таджикским языком межнационального общения этих народов, а шугнанцы, наиболее многочисленный и экономически более развитой народ, стали ядром консолидации. Учитывая современные общественные движения в независимой Республике Таджикистан, я изменила свой взгляд на тенденцию к консолидации памирских народов и считаю, что тенденция консолидации памирских народов в новую этническую общность «памирцы» («помири») может получить свое дальнейшее развитие[31].

Изучение современных этнических процессов и проявление их в семейно-брачных отношениях требовало разработки и усовершенствования формальных методик этностатистики и этносоциологии. Мной была развита методика определения показателей однонациональной и национально-смешанной брачности. Один из обобщенных показателей предложен для оценки степени эндогамности этноса. Интересно, что большая степень эндогамности таджиков проявилась в таких городах, как Душанбе, Турсунзаде (бывший Регар) и Исфара, в которых индекс этнической мозаичности больше. Проблемы методологии и эпистемологии этнографических исследований освещены в ряде моих статей (см. примеч. 21).

В настоящий период, переходный от социалистического строя к стадии первоначального накопления частного капитала, науке не уделяется должного внимания. Из всех гуманитарных наук для государственных чиновников-управленцев наибольшее значение имеет этнография, особенно в многонациональном государстве. Трудно управлять населением, если не знаешь их культуры, обычаев и жизненных ценностей. Поэтому я полагаю, что этнографы России и Республики Таджикистан скоро будут востребованы еще шире.

Примечания

[1] *Перкинс Л.-Ф.* Маленькие голландцы. Маленькие японцы. 2-е изд. М., 1930; Маленькие швейцарцы. Дети Великого Океана (Маленькие филиппинцы). Смельчаки (Дети каменного века). 4-е изд. М., 1930.

Герои этих книг – пятилетние близнецы, всегда – брат и сестра. Малолетние читатели из этих книг узнавали, что жизнь и быт у разных народов имеют свои особенности.

[2] *Чебоксаров Н.* Кафедра этнографии исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова // Сов. этнография (далее – СЭ). 1947. № 1. С. 198–201; *Левин М.* Полевые исследования Института этнографии в 1945 г. // СЭ. 1946. № 1. С. 235–238; *Он же.* Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. // СЭ. 1947. № 2. С. 207–212.

[3] *Рабинович М.* Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны // СЭ. 1946. № 1. С. 226–235; *Чистов К.В.* Из истории советской этнографии 30---80 гг. XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // СЭ. 1983. № 3. С. 3–18; *Бромлей Ю.В., Чистов К.В.* Ордена Дружбы народов Институту этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – 50 лет // СЭ. 1984. № 3. С. 20–37.

[4] *Чебоксаров Н.* Указ. соч. С. 200.

[5] *Ершова Г.Г.* Юрий Валентинович Кнорозов (некролог) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2000. № 6. С. 149.

[6] *Регель А.* Поездка в Каратегин и Дарваз // Изв. Русского Географ. общества. Т. 17. Вып. 2. СПб., 1882.

[7] *Лапин Б.* Повесть о стране Памир // *Лапин Б.* Избранное. М., 1958. С. 35–38. О Борисе Лапине см. там же, в предисловии И. Эренбурга. С. 3–5. Б. Лапин описал свою встречу с Махмадулло-Беком Кыргызовым в 1927 г. Лапин в горные районы Памира был послан переписчиком населения. Из долины Ванча через перевал Гушхон он с проводником Назаршо спустился в долину Язгулема близ кишлака Джамак, в среднюю часть долины, так как в те годы от места впадения реки Язгулем в р. Пяндж вход в долину шел только по труднопроходимым оврингам (искусственным карнизам). Первые впечатления от раиса – председателя совета Язгулема: «Это был благообразный старик в пестром богатом халате. На носу его торчали большие разбитые очки в кожаной оправе...». Махмадулло-Бек обратился к Б. Лапину с такими словами: «Вы расскажите нам о нашем начальстве, которое никогда не доезжает до нас, так суровы наши горы. Кто нами правит? Кто великий раис (глава) государства? Кто его наибы? Сам я ничего об этом не знаю... Да, сударь, я раис этой земли. Я был здесь еще во времена эмира, который пожаловал мне капитанский чин». В 1927 г. не знали, что живут почти 10 лет при советской власти!

[8] *Кисляков Н.А.* Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа // Вопросы истории доклассового общества. Л., 1936. С. 755–788. (Тр. Ин-та антропологии и этнографии АН СССР. Т. 4).

[9] *Моногарова Л.Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев (Западный Памир) // Среднеазиатский этнограф. сб. М., 1959. С. 60–61. Рис. 33. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. XLVII).

[10] *Кисляков Н.А.* Язгулемцы // Изв. Всесоюз. географ. об-ва. Т. 80. Вып. 4. Л., 1948.

[11] *Моногарова Л.Ф.* Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947–1948 гг.) // СЭ. 1949. № 3.

[12] *Воронина В.Л.* Жилище Ванча и Язгулема // Архитектура республик Средней Азии. М., 1951; О домах огня (алоу-хона) см.: *Бушков В.И.* Так им велел Заратуштра // Азия и Африка сегодня. 1994. № 6. С. 74–77.

[13] *Наливкин Д.В.* Памир – Крыша Мира. М., 1948. С. 14.

[14] *Мухиддинов И.* Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX в. Душанбе, 1984. С. 69–80; *Моногарова Л.Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев. С. 16–18. Рис. 8; *Она же.* Язгулемцы Западного Памира. С. 92. Рис. 4. С. 93. Рис. 5; *Мухиддинов И.* Народный опыт в преодолении бездорожья и водных преград на Западном Памире (XIX – начало XX в.) // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989. С. 62–65.

[15] У памирских народов Западного Памира и Афганского Бадахшана (ваханцев, шугнанцев, зебакцев, сангличей, рушанцев, мунджанцев) и неразделенная семья, и малая семья означает также хозяйство, дом. Налоги и различные поборы брались «с дома», сколько бы брачных пар в нем ни проживало.

[16] *Моногарова Л.Ф.* Похозяйственные и домовые книги, архивные материалы ЗАГСов и паспортных отделов МВД как источник этнографических исследований // Проблемы научной ценности, использования и сохранности историко-биографических и генеологических документов в составе архивного фонда России. М., 2001. (Сер. Архивы России на рубеже веков). Я представила свой доклад и, хотя архивы, которыми я пользовалась, не относились к архивному фонду России, мой доклад включили в программу конференции 30 мая 2001 г. и опубликовали с таким примечанием: «Сообщение Л.Ф. Моногаровой базируется на документах, относящихся не к архивному фонду Российской Федерации, а к архивному фонду Республик Таджикистан и Узбекистан. Тем не менее, оргкомитет считает возможным его опубликование в настоящем сборнике ввиду важности выводов о научной ценности документов, характерных для России».

[17] *Моногарова Л.Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев... Рис. 1 (между С. 4–5). С. 38. Рис. 23.

[18] По данным топографов, работавших на Западном Памире в 1948 г., кишлаки в долинах располагаются на значительной высоте над уровнем моря: в Язгулеме – от 1700 до 2300 м, в долине Бартанга – от

2300 до 2600 м, кишлаки группы Равмед (приток р. Бартанг) – от 2300 до 3700 м, в Шугнане, в долине р. 13Гунт – от 3500 до 3550 м, а в низовьях этой реки у г. Хорога – от 2300 до 2400 м (Ботанический сад), в долине Шахдары – до 3000 м, в Вахане кишлаки Вранг, Лянгар – свыше 2800 м. Летовки во всех долинах значительно выше 3000 м.

[19] *Моногарова Л.Ф.* Семья и семейный быт // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 193–243.

[20] *Моногарова Л.Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; *Она же.* Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. Вып. XVI. М., 1975. С. 174–191; *Она же.* Эволюция национального самосознания припамирских народностей. // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

[21] Список основных работ доктора исторических наук Лидии Федоровны Моногаровой // ЭО. 2002. № 3. С. 158.

[22] *Мухиддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX в. (Историко-этнографический очерк). М., 1975.

[23] *Мухиддинов И.* Особенности традиционного земледельческого хозяйства... С. 181.

[24] *Моногарова Л.Ф.* Современный городской квартал в Таджикистане (1970–1990 гг.) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2001. С. 252–272; *Она же.* Проявление этнических процессов в семейно-брачных отношениях в городской семье таджиков // Семья. Традиции и современность. М., 1990. С. 176, 189, 191; *Бушков В.И.* Таджикский авлод тысячелетие спустя // Восток. 1991. № 5. С. 80–81.

[25] *Покшишевский В.В.* Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // СЭ. 1969. № 5.

[26] *Моногарова Л.Ф.* Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения // СЭ. 1972. № 6. С. 52–63.

[27] *Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.* Выбор кишлаков в Южном Таджикистане для исследования семейного быта // Полевые исследования Института этнографии в 1983. М., 1984.

[28] *Моногарова Л.Ф.* Вопросник. Новое и традиционное в городской семье таджиков. Душанбе, 1982; *Она же.* Вопросник. Новое и традиционное в сельской семье таджиков. Душанбе, 1982.

[29] Таджики. Ч. 1. *Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.* Современная сельская семья таджиков; То же. Ч. 2. *Моногарова Л.Ф.* Современная городская семья таджиков. М., 1992. (Матер. к сер. «Народы содружества независимых государств». Вып. VIII.).

[30] *Моногарова Л.Ф.* Современные этнические процессы на Западном Памире // СЭ. 1965. № 6. С. 25.

[31] *Моногарова Л.Ф.* Ассимиляция и консолидация памирских народов // Среднеазиатский этнограф. сб. Вып. 4. М., 2001. С. 47–55. В этой статье на с. 55, рис. 6, помещено сделанное мной фото традиционного шугнанского ткацкого стана, который я купила в кишлаке Нишусп в 1948 г. для Республиканского историко-краеведческого музея. См. о нем: *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф. Вып. II. Сталинабад, 1958. С. 366–372. Рис. 76–79.

L.F. M o n o g a r o v a. Fifty Years with the Peoples of Central Asia

These are memoirs and reflections of the author, who had conducted research of the peoples of Central Asia during fifty years. The author covers not only the fieldwork episodes, which left lasting memories, but also reflects on the choice of research methods. In this respect it could be recommended not only to professional ethnographers, but also to graduate and postgraduate students.